

От мифа к Просвещению и обратно: как развивалась просвещенческая картина мира на примере гонений на колдунов в средневековой Англии

АЛЕКСАНДР ВИЛЕЙКИС

Алматы Менеджмент университет (AlmaU), Казахстан,
alexandro.vileykis@gmail.com.

ДАНИЯР МЕДЕТОВ

Алматы Менеджмент университет (AlmaU), Казахстан,
d.medetov@almau.edu.kz.

Ключевые слова: ведьмы; колдуны; Просвещение; биополитика; история Англии; миф; магическое мышление; критика Просвещения; Георг Зиммель; Иоанн Солсберийский; Грэм Харман; Реформация.

Общественные кризисы создают пространство неопределенности: привычные институты, правила, социальные нормы разрушаются. Когда кризис носит структурный характер, неопределенность может привести к радикальной перемене картины мира для некоторых обществ. В рамках данной статьи мы рассмотрим, как на примере восприятия колдовства и ведьм в средневековой и нововременной Англии одни господствующие мифы сменили другие, и к каким социальным последствиям это приводило. Данный случай демонстрирует историческое развитие изменения отношения к ведьмам от неопределенности, к конкуренции за власть и отмене, исключению из публичного поля.

Основными действующими лицами были отнюдь не ведьмы и колдуны, а европейские интеллектуалы, оказавшиеся невольными слугами местных

политиков, которые воспользовались удачным моментом для цементирования собственного политического господства через инструментарий гражданской науки и политической философии. Изучая кейс средневекового колдовства и английской политической мысли XI–XII веков, будет показано, как господствующие картины мира менялись в периоды кризисов и какие факторы влияли на успешность той или иной. На основе данного материала мы продемонстрируем, как происходил трансфер идей из академического поля в политическое, а затем до мира повседневности. Также мы проведем экскурс в актуальные исследования мифа, сказок и городских легенд и покажем различия и сходства Просвещения и других доминирующих мифов в разные исторические периоды.

Введение

ТЕМНЫЕ времена порождают неопределенность: привычные институты, правила, социальные нормы разрушаются, повседневность лишается терапевтической функции стабилизировать психологическое состояние населения. Когда кризис носит структурный характер, неопределенность может привести к радикальной перемене картины мира для некоторых обществ¹.

В турбулентности появляется запрос на объяснительные модели того, что происходит и что будет дальше. В большинстве случаев по прошествии некоторого времени повседневность берет свое и люди адаптируются к новой реальности, продолжая жить «нормальной» жизнью — это свойство социальной природы было отмечено еще в период массовой урбанизации конца XIX — начала XX века первыми социологами, впрочем, в то же время стало понятно, если кризис носит постоянный характер, общественная повседневность не стабилизируется сама по себе и требует политического решения. Сегодня, находясь в подобной ситуации, мы наблюдаем столкновение двух больших нарративов: просветительской науки и «магического мышления».

Просвещение создает большой нарратив, согласно которому наша жизнь с каждым годом становится лучше. Несмотря на многочисленные войны и рост имущественного неравенства мы постепенно приходим к справедливому миру, а основной силой, сопротивляющейся лучшему миру, является невежество, суеверия, готовность принимать объяснения на веру — «магическое мышление»².

Просвещение и порожденный им научный метод является оптикой, претендующей на полную универсальность для всего че-

1. См., напр.: Кракауэр Э. Орнамент массы. Веймарские эссе / Пер. с нем. А. Филиппова-Чехова и др. М.: Ad Marginem, 2019; Хоркхаймер М., Адорно Т. Дialeктика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.
2. О соприкосновении науки с публичным пространством см., напр., публичную лекцию Виктора Вахштайна (признан иностранным агентом): Вахштайн В. Популяризация науки: от просвещения к мракобесию // YouTube: FutureBiotech. 08.11.2017. URL: <https://youtu.be/8hMmPZT7Rws>.

ловечества. Основная концепция современной науки, по крайней мере в публичном ее образе, заключается в том, что мир объясним, понятен и поддается изучению, и, самое главное, — не зависит от субъективной оптики отдельного человека. Просвещение — более универсалистская идеология по сравнению с предшествовавшими ему антагонистами в виде католицизма или протестантизма³. Каждый феномен может быть рационализирован и объяснен таким образом, чтобы он мог быть воспроизводим, подчинен и контролируем как в глобальной перспективе политических процессов, так и на уровне обычных повседневных событий.

Просвещение стремится убедить нас в том, что любая неопределенность и нестабильность — не фундаментальное свойство мира, а лишь некое временное неудобство, которое человечество сможет преодолеть в будущем⁴.

Магическое мышление — свойство разума связывать события, факты или предметы, между которыми нет внутренней, логической взаимосвязи⁵. Классическими примерами подобных предрассудков выступают разного рода суеверия и приметы, заговоры, в том числе в отношении вполне современных технологических объектов — например, когда водитель уговаривает машину завестись. На примере, на первый взгляд, безобидных повседневных практик просвещенческий нарратив демонстрирует другие примеры «магического мышления» — веру в абсолютную взаимосвязь между трудовой миграцией и ростом уровня безработицы (хотя феномены и могут быть связаны, но экономика стран намного сложнее, чем примитивная связь — приехали мигранты, стало меньше работы для коренного населения) или поддержку политического популизма любой части политического спектра, когда находится «козел отпущения» во всех бедах и через ненависть к нему рождается внутренняя солидарность общества⁶.

С одной стороны, мы видим радикальную критику «научным методом» различных форм суеверий: современные моральные философы, политологи, популяризаторы науки обвиняют именно «магическое мышление» в нежелании людей разбираться в том, как дело

3. Copenhaver B. P. Magic in Western Culture: From Antiquity to the Enlightenment. N.Y.: Cambridge University Press, 2015.

4. См., напр.: *Campagna F. Technic and Magic: The Reconstruction of Reality*. L.: Bloomsbury Publishing, 2018.

5. Отправной точкой является понятие расколдование мира Макса Вебера из: *Weber M. The Sociology of Religion*. Boston: Beacon Press, 1993.

6. См. классическое исследование остракизма в различных обществах и солидаризации через поиск общей жертвы в: *Жирав Р. Козел отпущения* / Пер. с фр. Г. Дашевского. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010.

обстоит в реальности, и в стремлении верить любым популистам и шарлатанам. Это обвинение «темных, непросвещенных» обывателей в отказе от рефлексивности, критического мышления; готовности масс верить любым простым нарративам, хвататься за примитивные дискурсы в темные времена⁷. С другой — огромный рост популярности разных форм бытовой магии — начиная от натальных карт и раскладов Таро, заканчивая различными видами технологического мифа⁸.

В данной статье мы не будем рассуждать о том, насколько правдивы тезисы о «мире, который становится лучше» — дебаты об этом занимают значительную часть актуальной политической философии. Мы сосредоточимся на другой задаче: показать на примере английской борьбы с магией этапы формирования современной просвещенческой картины мира. Почему актуальная критика «магического мышления» повторяет предыдущие этапы подмены одного мифа на другой и приводит к увеличению, а не уменьшению насилия? Мы постараемся продемонстрировать схожесть⁹ Просвещения с мифом, с которым оно яростно сражается. Рамки статьи позволяют продемонстрировать это на одном значимом примере, но данная область затрагивает множество исторических нарративов, каждый из которых может быть рассмотрен в отдельности.

Ведьмы, колдуны, соглядатаи

Наша история начинается в английском Средневековье (XI–XII века). Демонстрация изменения отношения к ведьмам, колдунам и другим проявлениям «нечистой силы»¹⁰ является иллюстрацией того, как просвещенческая мысль побеждает предыдущий нарратив и замещает созданную им инфраструктуру. Можно выделить три стадии отношения английских властей к ведьмовству: неопределенность, конкуренция и отмена.

Неопределенность

Ранние тексты, относящиеся к XI–XII векам, в большинстве своем не до конца определяют роль ведьм и другой «нечести» в кар-

7. Наиболее ярким примером подобного нарратива является известная работа: Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше / Пер. с англ. Г. Бородиной, С. Кузнецовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

8. *Сапрагна* Ф. *Op. cit.*

9. Хоркхаймер М., Адорно Т. Указ. соч.

10. Здесь и далее для удобства, когда упоминается один представитель «нечистой силы», имеются в виду и все остальные, если не указано обратное.

тине мира. Средневековая философия того периода не концептуализировала «нечисть» как однозначное зло: ведьмы и колдуны могли быть как слугами Сатаны, с которым Господь борется, так и частью божественного замысла, инструментом, с помощью которого Бог осуществляет собственные планы. Подобная двусмысленность спасала некоторых английских колдунов от немедленной отправки на костер. Поскольку не существовало определенности в том, на чьей стороне выступают ведьмы, то нельзя было быть уверенным в справедливости борьбы с колдовством. Аналогичный иммунитет распространялся на крыс, других мелких грызунов, диких зверей, городских сумасшедших. Лояльность по отношению к существам, населяющим пространство между смысловыми мирами средневековой Англии, не была устойчивой, но все же была значительно выше, чем в более поздний период.

Об этом свидетельствует тот факт, что даже после обнаружения определенной взаимосвязи между присутствием грызунов и распространением заболеваний в городах, их старались не уничтожать, потому что мор мог выступать инструментом Господа¹¹ по отделению праведников от мучеников (праведники заболевали и попадали в рай, а мученики оставались на обреченной земле, а не наоборот). Из этого можно сделать вывод, что именно те, кто мыслил «просвещенчески» и начинал охоту на крыс, начинали принимать действенные меры по борьбе с болезнью. Но с другой стороны, схожие «связи» обнаруживались между присутствием рыжих девушек и супружеской неверностью, между травниками и падением скота, неурожаем и плохой погодой. Последствия подобных «умозаключений» часто приводили невинных на костер, виселицу или на вилы озлобленной толпы...

Жители английской глубинки, возможно, не имели достаточно сложной картины мира, но в ее рамках «нечистая сила» воспринималась как нечто отличное от повседневной жизни и наделенное определенного рода силой, которая могла иметь божественное происхождение. Подобное мировоззрение могло иногда спасти некоторых несчастных, обвиняемых в падеже скота, так как на Альбионе, в отличие от континента до начала Реформации, в целом статистически отмечено меньшее количество колдовских процессов. Особенный статус, маркировка, неопределенность от-

11. Подробнее см.: *Cole L. Of Mice and Moisture: Rats, Witches, Miasma, and Early Modern Theories of Contagion* // *Journal for Early Modern Cultural Studies*. 2010. Vol. 10. № 2. P. 65–84; *Gilman E. B. Plague Writing in Early Modern England*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2009.

ношения делали ведьм и колдунов частью сельского мифа, вынося их за пределы повседневных категорий, делая взаимодействие с ними опасным, но не однозначно плохим.

По сути, английская глубинка до Реформации на практике реализовывала представления Георга Зиммеля, сформулированные им в «Экскурсе о чужаке»¹², где ведьма, кузнец, бродячий торговец выступают в качестве одновременно близких и далеких персонажей сельского мира. Близких, поскольку они находятся в одном физическом пространстве вместе с остальными крестьянами, но при этом далеких, так как они были наделены особым статусом, не позволяющим им стать полноценной частью деревенского сообщества. Зиммель описывал подобные фигуры в качестве людей-функций, наделенных отдельной задачей, которую они выполняют в деревенском мире, требующим к себе «особого отношения». В отличие от полного расчеловечивания Другого, которых философ называл словом «варвары», отсылая к первоначальному значению термина в римскую эпоху, сельские жители продолжали вести дела с чужаками, воспринимая их до известной степени как природную силу. Чтобы иметь с ними дело, необходимо было придерживаться определенных правил, впрочем, не дающих гарантии действенности предыдущих законов — ведьма представляется неопределенностью, наделенной определенной силой (*power*)¹³.

Конкуренция

Ситуация начала меняться в XI–XII веках, когда в английской философской традиции впервые появляется тезис о возможности непрямого действия или действия-на-дистанции (*action in a distance*)¹⁴, предполагающего неисключительность божественной субъективности, возможность существования агентов, способных на не прямые действия, что впоследствии и приведет к перемене отношения к «нечисти» от неопределенности колдовства к однозначному определению магии как ереси и зла.

12. Зиммель Г. Экскурс о чужаке / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–13.

13. Там же. С. 13. Возможные трактовки мифа см., напр., в: Dake K. Myths of Nature: Culture and the Social Construction of Risk // Journal of Social Issues. 1992. Vol. 48. № 4. С. 21–37.

14. Анализ концепции непрямого действия в применении к современной философии см. в: Харман Г. О замещающей причинности / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. 2012. № 2. С. 75–90.

Так, Иоанн Солсберийский в «Поликратике»¹⁵ наделяет ведьм субъектностью, демонстрируя, что под их влиянием правитель может сойти с праведного пути правления, поддаться страстям и тем самым действовать в интересах зла. Важно, что преступлением является субъектность сама по себе, так как любое действие противоречит механистическому «божественному замыслу», подключая к нему иные интенции и действующие силы. Значительную известность работы Иоанна приобрели на континенте, где в дальнейшем легли в основу демоноборческих процессов, в рамках которых взаимоотношения между Богом и Сатаной переставали описываться в качестве единого механизма, а стали сводиться к противостоянию двух движущих сил. Аналогичную революцию в мысли можно встретить в актуальной для того времени медицинской теории, где на смену теориям, подразумевающим непрямую причинность, приходят размышления о возможности заражения через «копирование» болезни от одного человека к другому. Популярная теория миазмов — *miasma theory*¹⁶, описывала такие действия на дистанции, как, например, передача болезни, очарование (*charming*), влюбленность¹⁷. Подобные понятия появились в концептуальном аппарате английских мыслителей, когда под влиянием континентальной медицинской традиции Бог перестал быть клеем, соединяющим воедино тварный мир. Нарушение этого баланса и привело к утверждению Сатаны в качестве

15. *Sarisberiensis J. Policraticus, sive: De nugis curialium, & vestigiis philosophorum, libri octo. Lugduni Batauorum: ex officina Plantiniana, apud Franciscum Raphelengium, 1595.* Крайне информативный анализ «Поликратика» и его влияния на интеллектуальную традицию см. в: *Тогоева О. И.* Короли и ведьмы. Колдовство в политической культуре Западной Европы XII–XVII вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. Многие интуиции изучения процессов, связанных с ведьмовством, продуктивно сочетаются с медицинскими и философскими трактатами того периода.
16. Общий обзор см. в: *Kannadan A.* History of the Miasma Theory of Disease // *ES-SAI*. 2018. Vol. 16. № 1. Art. 18; *Karamanou M. et al.* From Miasmas to Germs: A Historical Approach to Theories of Infectious Disease Transmission // *Infez Med*. 2012. Vol. 20. № 1. P. 58–62. Более конкретные кейсы см. в: *Carr D. R.* Controlling the Butchers in Late Medieval English Towns // *The Historian*. 2008. Vol. 70. № 3. P. 450–461; *Borak J.* The Ghost Map: The Story of London's Most Terrifying Epidemic and How It Changed Science, Cities, and the Modern World. N.Y.: Riverhead, 2007. О теории миазмов на материале Российской империи см. в: *Пироговская М. М.* Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века. СПб.: ЕУСПб, 2018.
17. *Gordon S.* Disease, Sin and the Walking Dead in Medieval England, c. 1100–1350: A Note on the Documentary and Archaeological Evidence // *Medicine, Healing and Performance* / E. Gemi-Iordanou et al. (eds). Oxford, UK: Oxbow, 2014. P. 55–70.

отдельного действующего лица, слугами которого были назначены ведьмы, колдуны и прочая нечисть.

Дебаты о природе зла велись преимущественно в городской среде, вокруг соборов и замков, а вот в сельской местности, где и происходили столкновения крестьян с ведьмами, они были известны исключительно через посредников в лице священников, врачей и торговцев. Если в рамках интеллектуальной истории пересмотр отношения к ведьмам происходит уже XII веке, то на уровне повседневности сельской Англии это изменение приходится на период, предшествующий Реформации, то есть на XV столетие. В популярном представлении чужаки перестают быть персонажами с неопределенными функциями, превращаясь во врагов, одержимых властью темных сил и суеверий. Возникают массовые процессы над ведьмами и колдунами, принуждение населения к наблюдению, контролю и свидетельству против всего подозрительного, а жертв — к лжесвидетельству и наговорам перед отпавками на костры. Теоретическая концепция встала на практические рельсы, превратившись в состав преступления во время судебных процессов. Важно отметить, что судьи в ходе процессов XV века определенно убеждены в реальности колдовства и обвиняют ведьм в покушении на «божественный замысел». Магия становится для церкви не просто опасным суеверием, а примером «магического мышления»¹⁸, с которым необходимо бороться наиболее жестокими методами, поскольку оно предполагает существование альтернативной картины мира.

Охотники на ведьм обвиняют колдунов в распространении опасных и вредных суеверий; образованность, владение грамотой, знание латыни и в целом принадлежность к высшему сословию была отягчающим обстоятельством во время процессов против ведьм. Считалось, что заблуждения простых деревенских жителей можно списать на общую ограниченность, что позволяло избежать смертной казни, однако в случае образованных горожан наказание должно было быть максимально суровым. Если домыслы деревенских можно было списать на их темноту, то сомнения образованных сословий квалифицировались как осознанное участие в колдовском заговоре¹⁹.

18. *Тогоева О. И.* Английские городские общины раннего Нового времени в борьбе с колдовством // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 6. С. 32–32.

19. *Sharpe J. A.* Instruments of Darkness: Witchcraft in England 1550–1750. L.: Hamish Hamilton, 1996.

В более поздний период протестанты, одержав победу над католиками, стали обвинять их в распространении опасных суеверий и заблуждений, уподобляя их заразным болезням. Мыслители раннего англиканства сравнивали печатное распространение католических текстов с тем, как описываются вирусы в современной науке²⁰, что послужило одним из аргументов в пользу «бескомпромиссной» войны с ведьмами.

Новая объяснительная модель подразумевала одновременное существование божественного замысла и сил, которые могут воспрепятствовать его исполнению. Бог в данной картине мира теряет собственное всемогущество, и ему необходимы слуги, которые будут исполнять божественный замысел на Земле. Борьба с нечистью становится частью борьбы по искоренению неопределенности из европейской космогонии: наделив их субъектностью, церковь делает возможной охоту на ведьм, по сути обвиняя их в различных бедствиях²¹, а носителей иных взглядов подавляет с особой жестокостью. Предшествующая ей картина мира, где единственной действующей силой было божественное провидение, позволяла населению обвинять власть в том, что она отклонялась от принципов праведного правления. Множественная субъектность открывала дорогу для политических интриг и поиска козлов отпущения, которыми умело пользовались английские правители. Законы о ведьмах исполнялись с особой жесткостью, как и во всех иных случаях прихода законодательства в сельскую местность. Шаткое равновесие мира, в котором нечисть была приравнена к Чужакам, было уничтожено навсегда.

Отмена

Просвещение вместе с научным методом и гигиенической революцией окончательно укрепляет свои позиции в Англии после второй пандемии чумы (1665–1666)²². Теперь в коллективном воображении закрепляются не только множественные субъекты, но и четкие правила, по которым те должны действовать. Мысль предшествующего периода не устанавливала четких границ по-

20. Beecher D. Windows on Contagion // *Imagining Contagion in Early Modern Europe* / C. L. Carlin (ed.). L.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 32–46.

21. Подробнее о специфике переводов и трактовок Писания в Англии см.: Gilman E. B. *Op. cit.*; *Idem*. The Subject of the Plague // *Journal for Early Modern Cultural Studies*. 2010. Vol. 10. № 2. P. 23–44.

22. Подробнее см.: Вилейкис А. Первый карантин: как чума стала политическим заболеванием // *Логос*. 2021. Т. 31. № 2 (141). С. 127–142.

ведения различных субъектов, лишь предписывая им некоторые установки. Если вспомнить приведенный выше пример с сельскими ведьмами, то мы видим, что сельский миф предполагает определенную модель поведения и общие правила, но допускает различные сценарии их сочетания.

Одной из гипотез происхождения²³ и задачи мифа выступает способ обучения людей определенным бытовым правилам: детские сказки о лесных колдуньях призваны напугать ребенка, чтобы внушить ему привычку не играть в лесу. Как показывает антропология²⁴, зачастую подобные истории рассказывались не потому, что в лесу существует некоторая достаточно абстрактная опасность, а в силу того, что чудовища представлялись воображению рассказчика совершенно реальными. Для коллективного воображения сельской Англии ведьмы существовали, и столкновение с ними относилось к вполне правдоподобному сценарию во время похода в лес. С этим была связана перформативная функция мифа, устанавливавшего конкретные правила поведения. Важно иметь в виду, что ведьмы, как и любая иная нечисть, изначально не рассматривались как нечто однозначно плохое или хорошее — подобно любой природной силе. Второй важный вывод — даже установленные правила оставались для сельских жителей туманными и часто сводились исключительно к божественному проведению, поэтому ситуация с непредсказуемым поведением чужака была достаточно обыденной.

Просвещенческая картина мира допускала возможность различных движущих сил, но при этом для нее было важно, какие именно силы действуют. Недостаточно просто признать существование ведьм, необходимо описать возможные сценарии в случае столкновения с ними. Те, кто еще полвека назад утверждал, что ведьмы существуют и задача Короны бороться с их происками, после свершившейся гигиенической революции были уверены в том, что ведьмы и колдуны — всего лишь шарлатаны, которые обманывают доверчивое население, либо безумцы²⁵. Судебные процессы над ведьмами продолжались, но состав преступления изменился с обвинений в сговоре с Дьяволом на мошенничество. Так как магия оказалась практически исключена из общеприня-

23. *Fairy Tales and Society: Illusion, Allusion, and Paradigm* / R. B. Bottigheimer (ed.). Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2014.

24. *Von Hendy A. The Modern Construction of Myth // disClosure: A Journal of Social Theory*-University of Kentucky Libraries. 2002. Vol. 1. Art. 2.

25. См. классическую работу о медиализации дискурса: Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. К. Стаф. М.: АСТ, 2010.

той картины мира, любое ее видимое проявление признавалось покушением на установленный политический порядок, но в совершенно ином смысле.

Новый виток борьбы с суевериями удачно совпал с формированием новых политических институтов: население уже было достаточно выдрессировано для того, чтобы обнаруживать любых чужаков и выдавать их властям. Но после Французской революции к ведьмам добавились священники, оказавшиеся на одной скамье со своими недавними жертвами. Переквалифицировав логику магического, новая просвещенческая картина мира позволила вписать нечисть и свойственное ей поведение в новые рамки — теперь им приписывались психологические отклонения или жажда незаконного обогащения, что в любом случае делало их опасными для общества. Таким образом, просвещение допускало множество сил, но не альтернативных структур и таксономий: все действующие лица должны быть понятны и в любой момент доступны для изучения, тогда как все, что находится в тени, выходило за рамки закона или в лучшем случае свидетельствовало о скудости ума.

Пиррова победа Просвещения

Одержало ли Просвещение таким образом окончательную победу? Вместе с массовой урбанизацией и промышленной революцией Просвещение закрепилось в качестве господствующей картины мира, а ведьмы, вампиры, колдуны и другая нечисть превратились в городские легенды и литературных персонажей²⁶. Может показаться, что победа Просвещения оказалась практически полной. Современный спектр публичной политики показывает, что стратегия обвинения и взаимодействия с оппонентами остается прежней: их обвиняют в суевериях, которые не вписываются в рациональную картину мира.

Столкновения двух картин мира в массовом сознании, как мы видим из вышеприведенных примеров, приходились на переходные времена: периоды эпидемий, политических кризисов и крушения привычной повседневности. Ведьм начали массово преследовать в период английской реформации, которая сама по себе была следствием политического кризиса и фактического раскола страны на несколько противоборствующих лагерей. Гигиениче-

26. Day W.P. Vampire Legends in Contemporary American Culture: What Becomes a Legend Most. Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2002.

ская революция победила, потому что стала ответом на вторую пандемию чумы, позволив при помощи мер принуждения укрепить авторитет английской монархии. Идеи могут много веков оставаться в поле лишь интеллектуальной дискуссии, а затем неожиданно становиться жестоким орудием: как мы видим, буквальное исполнение теорий на практике приводило к тому, что всякая новая победившая картина мира увеличивала уровень насилия (даже если непосредственное физическое насилие отходило на второй план, уступая место структурному²⁷): сначала возникли публичные процессы и казни ведьм, колдунов и магов, затем — казни продолжались, но к ним прибавились карантин, сумасшедшие дома, медицинское насилие.

Просвещение создало новый миф об отсутствии мифа²⁸. Сегодня наступили странные, темные времена, и мы можем предположить, что просвещенческая риторика только ужесточится в ответ на рост нового магического мышления. Человечество существует в темпоральности, которую запустило Просвещение, и, возможно, сегодня мы возвращаемся во времена мифа.

Библиография

- Вахштайн В. Популяризация науки: от просвещения к мракобесию // YouTube: FutureBiotech. 08.11.2017. URL: <https://youtu.be/8hMmPZT7Rws>.
- Вилейкис А. Первый карантин: как чума стала политическим заболеванием // Логос. 2021. Т. 31. № 2 (141). С. 127–142.
- Жирар Р. Козел отпущения / Пер. с фр. Г. Дашевского. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010.
- Зиммель Г. Эскурсы о чужаке / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–13.
- Кракауэр Э. Орнамент массы. Веймарские эссе / Пер. с нем. А. Филиппова-Чехова, А. Кацурь, В. Агафонова. М.: Ad Marginem, 2019.
- Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше / Пер. с англ. Г. Бородиной, С. Кузнецовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
- Пироговская М. М. Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века. СПб.: ЕУСПб, 2018.
- Тогоева О. И. Английские городские общины раннего Нового времени в борьбе с колдовством // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 6. С. 32–32.

27. Hirschfeld K. Rethinking “Structural Violence” // Society. 2017. Vol. 54. № 2. P. 156–162.

28. Подробнее см.: Josephson-Storm J. A. The Myth of Disenchantment: Magic, Modernity, and the Birth of the Human Sciences. Chicago, MI: University of Chicago Press, 2019; Dewes P. The Limits of Disenchantment // New Left Review. 1995. № 213. P. 61–75.

- Тогоева О. И. Короли и ведьмы. Колдовство в политической культуре Западной Европы XII–XVII вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. К. Стаф. М.: АСТ, 2010.
- Харман Г. О замещающей причинности / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. 2012. № 2. С. 75–90.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.
- Beecher D. Windows on Contagion // *Imagining Contagion in Early Modern Europe* / C. L. Carlin (ed.). L.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 32–46.
- Borak J. The Ghost Map: The Story of London's Most Terrifying Epidemic and How It Changed Science, Cities, and the Modern World. N.Y.: Riverhead, 2007.
- Campagna F. Technic and Magic: The Reconstruction of Reality. L.: Bloomsbury Publishing, 2018.
- Carr D. R. Controlling the Butchers in Late Medieval English Towns // *The Historian*. 2008. Vol. 70. № 3. P. 450–461.
- Cole L. Of Mice and Moisture: Rats, Witches, Miasma, and Early Modern Theories of Contagion // *Journal for Early Modern Cultural Studies*. 2010. Vol. 10. № 2. P. 65–84.
- Copenhaver B. P. Magic in Western Culture: From Antiquity to the Enlightenment. N.Y.: Cambridge University Press, 2015.
- Dake K. Myths of Nature: Culture and the Social Construction of Risk // *Journal of Social Issues*. 1992. Vol. 48. № 4. С. 21–37.
- Day W. P. Vampire Legends in Contemporary American Culture: What Becomes a Legend Most. Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2002.
- Dews P. The Limits of Disenchantment // *New Left Review*. 1995. № 213. P. 61–75.
- Fairy Tales and Society: Illusion, Allusion, and Paradigm / R. B. Bottigheimer (ed.). Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2014.
- Gilman E. B. Plague Writing in Early Modern England. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2009.
- Gilman E. B. The Subject of the Plague // *Journal for Early Modern Cultural Studies*. 2010. Vol. 10. № 2. P. 23–44.
- Gordon S. Disease, Sin and the Walking Dead in Medieval England, c. 1100–1350: A Note on the Documentary and Archaeological Evidence // *Medicine, Healing and Performance* / E. Gemi-Iordanou, S. Gordon, R. Matthew, E. McInnes, R. Pettitt (eds). Oxford, UK: Oxbow, 2014. P. 55–70.
- Hirschfeld K. Rethinking “Structural Violence” // *Society*. 2017. Vol. 54. № 2. P. 156–162.
- Josephson-Storm J. A. The Myth of Disenchantment: Magic, Modernity, and the Birth of the Human Sciences. Chicago, MI: University of Chicago Press, 2019.
- Kannadan A. History of the Miasma Theory of Disease // *ESSAI*. 2018. Vol. 16. Art. 1.
- Karamanou M., Panayiotakopoulos G., Tsoucalas G., Kousoulis A. A., Androutsos G. From Miasmas to Germs: A Historical Approach to Theories of Infectious Disease Transmission // *Infez Med*. 2012. Vol. 20. № 1. P. 58–62.
- Sarisberiensis J. Policraticus, sive: De nugis curialium, & vestigiis philosophorum, libri octo. Lugduni Bataurum: ex officina Plantiniana, apud Franciscum Raphelengium, 1595.
- Sharpe J. A. Instruments of Darkness: Witchcraft in England 1550–1750. L.: Hamish Hamilton, 1996.
- Von Hendy A. The Modern Construction of Myth // *disClosure: A Journal of Social Theory-University of Kentucky Libraries*. 2002. Vol. 1. Art. 2.
- Weber M. The Sociology of Religion. Boston: Beacon Press, 1993.

FROM MYTH TO ENLIGHTENMENT AND BACKWARDS: HOW THE ENLIGHTENMENT WORLDVIEW DEVELOPED BY THE EXAMPLE OF MEDIEVAL ENGLAND'S WITCHCRAFT PERSECUTION

ALEXANDER VILEIKIS. Almaty Management University (AlmaU), Kazakhstan, alexandro.vileykis@gmail.com.

DANIYAR MEDETOV. Almaty Management University (AlmaU), Kazakhstan, d.medetov@almau.edu.kz.

Keywords: witches; Enlightenment; biopolitics; history of England; myth; magical thinking; Enlightenment criticism; Georg Simmel; John of Salisbury; Graham Harman; Reformation.

Social crises create an atmosphere of uncertainty: established institutions, rules, and social norms disintegrate. When a crisis is structural in nature, this uncertainty can lead to a radical shift in the worldview of certain societies. The conventional foundations of social life become unstable, and in the vacuum that ensues, something new emerges, often co-opted by various political forces for their own interests. In this article, we will explore how, using the perception of witchcraft and witches in medieval and early modern England as a case study, one dominant myth was replaced by another, and the social consequences that arose from this shift. This case illustrates the historical evolution of attitudes towards witches, from uncertainty to power struggles and eventual exclusion from the public sphere.

The main actors in this narrative were not the witches or sorcerers themselves, but European intellectuals who inadvertently became the tools of local politicians. These politicians seized the opportunity to solidify their political dominance using the instruments of civil science and political philosophy. By examining the case of medieval witchcraft and English political thought of the 11th and 12th centuries, we will demonstrate how dominant worldviews shifted during times of crisis and the factors that influenced the success of one narrative over another. Based on this material, we will illustrate the transfer of ideas from the academic realm to the political, and then how they trickled down to everyday life. Additionally, we will delve into contemporary research on myths, fairy tales, and urban legends, highlighting the differences and similarities between the Enlightenment and other prevailing myths across different historical periods.

DOI: 10.17323/0869-5377-2023-5-123-135

References

- Beecher D. Windows on Contagion. *Imagining Contagion in Early Modern Europe* (ed. C. L. Carlin), London, Palgrave Macmillan, 2005, pp. 32–46.
- Borak J. *The Ghost Map: The Story of London's Most Terrifying Epidemic and How It Changed Science, Cities, and the Modern World*, New York, Riverhead, 2007.
- Campagna F. *Technic and Magic: The Reconstruction of Reality*, London, Bloomsbury Publishing, 2018.
- Carr D. R. Controlling the Butchers in Late Medieval English Towns. *The Historian*, 2008, vol. 70, no. 3, pp. 450–461.
- Cole L. Of Mice and Moisture: Rats, Witches, Miasma, and Early Modern Theories of Contagion. *Journal for Early Modern Cultural Studies*, 2010, vol. 10, no. 2, pp. 65–84.
- Copenhaver B. P. *Magic in Western Culture: From Antiquity to the Enlightenment*, New York, Cambridge University Press, 2015.

- Dake K. Myths of Nature: Culture and the Social Construction of Risk. *Journal of Social Issues*, 1992, vol. 48, no. 4, pp. 21–37.
- Day W. P. *Vampire Legends in Contemporary American Culture: What Becomes a Legend Most*, Lexington, KY, University Press of Kentucky, 2002.
- Dews P. The Limits of Disenchantment. *New Left Review*, 1995, no. 213, pp. 61–75.
- Fairy Tales and Society: Illusion, Allusion, and Paradigm* (ed. R. B. Bottigheimer), Philadelphia, PA, University of Pennsylvania Press, 2014.
- Foucault M. *Istoriia bezumiia v klassicheskuiu epokhu* [Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique], Moscow, AST, 2010.
- Gilman E. B. *Plague Writing in Early Modern England*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 2009.
- Gilman E. B. The Subject of the Plague. *Journal for Early Modern Cultural Studies*, 2010, vol. 10, no. 2, pp. 23–44.
- Girard R. *Kozel otpushcheniia* [Le Bouc émissaire], Saint Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2010.
- Gordon S. Disease, Sin and the Walking Dead in Medieval England, c. 1100–1350: A Note on the Documentary and Archaeological Evidence. *Medicine, Healing and Performance* (eds E. Gemi-Iordanou, S. Gordon, R. Matthew, E. McInnes, R. Pettitt), Oxford, UK, Oxbow, 2014, pp. 55–70.
- Harman G. O zameschaiushchei prichinnosti [On Vicarious Causation]. *New Literary Observer*, 2012, no. 2, pp. 75–90.
- Hirschfeld K. Rethinking “Structural Violence”. *Society*, 2017, vol. 54, no. 2, pp. 156–162.
- Horkheimer M., Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniia. Filosofskie fragmenty* [Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente], Moscow, Saint Petersburg, Medium, Iuventa, 1997.
- Josephson-Storm J. A. *The Myth of Disenchantment: Magic, Modernity, and the Birth of the Human Sciences*, Chicago, MI, University of Chicago Press, 2019.
- Kannadan A. History of the Miasma Theory of Disease. *ESSAI*, 2018, vol. 16, art. 1.
- Karamanou M., Panayiotakopoulos G., Tsoucalas G., Kousoulis A. A., Androutsos G. From Miasmas to Germs: A Historical Approach to Theories of Infectious Disease Transmission. *Infez Med*, 2012, vol. 20, no. 1, pp. 58–62.
- Kracauer S. *Ornament massy. Veimarskie esse* [Das Ornament der Masse. Essays], Moscow, Ad Marginem, 2019.
- Pinker S. *Luchshee v nas. Pochemu nasiliia v mire stalo men'she* [The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined], Moscow, Alpina non-fiction, 2021.
- Pirogovskaya M. M. *Miazmy, simptomy, uliki: zapakhi mezhdu meditsinoi i moral'iu v russkoi kul'ture vtoroi poloviny XIX veka* [Miasmata, Symptoms, and Evidence. Smells in Russian Culture, 1850–1900s: Between Medicine and Morals], Saint Petersburg, EUPRESS, 2018.
- Sarisberiensis J. *Policraticus, sive: De nugis curialium, & vestigiis philosophorum, libri octo*, Lugduni Bataurorum, ex officina Plantiniana, apud Franciscum Raphelengium, 1595.
- Sharpe J. A. *Instruments of Darkness: Witchcraft in England 1550–1750*, London, Hamish Hamilton, 1996.
- Simmel G. Ekskurs o chuzhake [Exkurs über den Fremden]. *Sotsiologicheskaiia teoriia: istoriia, sovremennost', perspektivy. Almanakh zhurnala “Sotsiologicheskoe obozrenie”* [Sociological Theory: History, Contemporaneity, Prospects. Almanac of “Sociological Review” Journal], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2008, pp. 7–13.

- Togoeva O. I. Angliiskie gorodskie obshchiny rannego Novogo vremeni v bor'be s koldovstvom [English Urban Communities of Early Modern Times Fighting Against the Witchcraft]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"* [Electronic Scientific and Educational Journal "History"], 2020, vol. 11, no. 6, pp. 32–32.
- Togoeva O. I. *Koroli i ved'my. Koldovstvo v politicheskoi kul'ture Zapadnoi Evropy XII–XVII vv.* [Kings and Witches. Witchcraft in the Political Culture of Western Europe in the XII–XVII Centuries], Moscow, Saint Petersburg, Tsentr humanitarnykh initsiativ, 2022.
- Vakhshayn V. Populiarizatsiia nauki: ot prosveshcheniia k mrakobesiiu [Popularizing Science: From Enlightenment to Obscurantism]. *YouTube: FutureBiotech*, November 8, 2017. Available at: <https://youtu.be/8hMmPZT7Rws>.
- Vileikis A. Pervyi karantin: kak chuma stala politicheskim zabolevaniem [The First Quarantine: How the Plague Became a Political Disease]. *Logos* (Russia), 2021, vol. 31, no. 2 (141), pp. 127–142.
- Von Hendy A. The Modern Construction of Myth. *disClosure: A Journal of Social Theory-University of Kentucky Libraries*, 2002, vol. 1, art. 2.
- Weber M. *The Sociology of Religion*, Boston, Beacon Press, 1993.